

Каменный истукан под метеоритным дождем

Михаил Алексанянц

Михаил Алексанянц

**Каменный истукан под
метеоритным дождем**

«Автор»

2025

Алексянянц М.

Каменный истукан под метеоритным дождем / М. Алексянянц —
«Автор», 2025

Художник Леонардо просыпается ни свет, ни заря, выходит на балкон, зажигает факел и приступает к работе: он пишет "Мону Лизу". Но чем выше всходит солнце, освещая своими лучами окрестности, тем более странным выглядит место и люди, его населяющие... А когда к Леонардо заявляется в гости ученый-физик Альберт, встает вопрос не только о месте, но и о времени. Да и кто такой этот Фил, чьим именем они заменяют слово "бог"?

© Алексянянц М., 2025

© Автор, 2025

Михаил Алексанянц

Каменный истукан под метеоритным дождем

Леонардо проснулся ни свет ни заря. Да, заря пока ворочалась в постели из седых крон на горизонте; свет же тек лишь от спелёнатой облаками Луны и оседал серебристой моросью на чернильную целину под окнами.

Леонардо вышел на балкон. Было зябко и уютно смотреть в это темперно-синее небо, в котором, как будто ложкой, перемешаны звезды. Леонардо уже, было, задумался о беспредельности пучины, разверзшейся у него над головой, но вспомнил, что его ждет дело.

Он зажег факел на стене, и янтарный туман, сверкнув, наполнил воздух. Звезды побледнели. Леонардо бросил прищуренный взгляд на мольберт: там боролись огненные и лунные блики, и в их мельтешении краски возвращали себе естественный цвет. На холсте проявились очертания.

«Жалкий подмалевок за всю прошлую неделю!» – подумал Леонардо и до боли сжал пук седых волос. Нега мигом спала, вернулся вчерашний боевой запал. Пальцы влипли в волосы. Вчера он заснул прямо с кистью в руке, едва успев сделать пару ватных шагов до кровати.

Он без жалости дернул рукой – на ней остались обвитые вокруг пальцев изможденные волосы. «Проклятое масло совсем не сохнет, – насупившись, думал Леонардо. – К вечеру не закончу». Скребя вафельным полотенцем ладонь, он оглядывал рабочее место, зрачки его решительно бегали.

На раскисшем от уличной жизни бюро были разложены глиняные тигли с красками: жженая умбра, сиена, ультрамарин. Леонардо помахал ладонью над ними и брезгливо втянул воздух. В нос ударил горячий древесный запах.

«Переборщил с камфарой, – понял он. – Всё не слава Филу!»

С каким тщанием он готовил накануне пигмент: толоч морские ракушки в ступке с уксусом, сушил на солнце цветы синили и спрыскивал их лисьей желчью, добытой по случаю у пилигрима за четверку.

А теперь выходило, что все зря!

«Да простит мне Фил это отступничество!» – он посмотрел на небо, а потом решительно сгреб тигли в мусорный пакет. Достал из бюро тюбики с маркировкой «Краска темперная, поливинилацетатная, для живописных работ», щедро выдавил на палитру по червяку каждого цвета и принялся за дело.

Мусорный пакет протекал мутноватой радугой прямо на его босую ногу, но он уже ничего не замечал.

Леонардо нырнул в свое любимое состояние, в котором он как будто вовсе исчезал: оставалась только творящая рука. Она бросала мокрые мазки на холст, раздраженно стирала их тряпкой, накладывала новые, уже осторожней, размазывала их мокрой кистью, соединяла в целое.

Потом, когда Леонардо возвращался, он с удивлением обнаруживал себя, как в зеркале, внутри картины. Нет, не портретное сходство – он крылся где-то между мазков: в соотношениях цветов, пропорций и фактур. За столько лет Леонардо так и не смог привыкнуть к этому чуду.

Ну что ж, вытянутая голова на холсте уже получила покатые плечи, темные пустые глазницы и угловатый нос, уподобившись тесаному идолу с острова Пасхи. Голова уже собиралась обзавестись глазами, когда в дверь постучали.

Леонардо чертыхнулся, бросил липкую кисть и с удивлением обнаружил, что рассвело.

Юные, еще несмелые лучи осторожно раздвигали клубы тумана над озером, нежно касались гулкой воды и морщинок в уголках глаз. Толпы художников вдоль всей береговой линии уже работали за своими этюдниками. Слышалось деловитое шуршание бумаги, поскрипывание петель.

У озера раскинулся парк с тропинками и уединенными беседками. В них сгорбленные писатели сосредоточенно грызли кончики перьев, карандашей и шариковых ручек. По набережной в искусно надорванных лохмотьях расхаживал бродячий философ и что-то бубнил себе под нос.

«Да, все готовятся к сегодняшней вечеринке, – с досадой подумал Леонардо. – А я не успеваю!! Чертово Сфумато, эти бесконечные слои!»

Только теперь он ощутил вязкий холодок между пальцев ноги и увидел, что весь балкон залит из прохудившегося пакета.

В дверь постучали настойчивей.

– Альберт, я работаю! – вскричал Леонардо и заметался по балкону с половой тряпкой. – Ладно, заходи, открыто. Только не мешай!

От его потуг краска еще больше размазывалась по полу.

– Как ты догадался, что это я? – церемонно снимая шляпу, из-под которой тут же выпорхнула как будто не подверженная гравитации шевелюра, вошел действительно Альберт. Пружинистой походкой, крутя на пальце цепочку со старинными часами и посвистывая, прямо в ботинках он прошел в комнату, остановился у балкона и замер. Леонардо выглянул из-за холста. Вид его ужасал. На носу и щеках были зеленые полосы, как у древнего военного, а в руке, чем-то неуловимо похожая на отрезанную голову, истекала цветной кровью набухшая тряпка.

– Фил не играет в кости! – не растерялся Альберт и ткнул в Леонардо пальцем, прицокнув.

Леонардо недовольно спрятался обратно за холст.

– Вот представь, – продолжал Альберт рассудительным тоном, – допустим у нас есть два космических корабля, и они летят со скоростями, близкими к скоростям света...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.